

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 3930

INTERES GENERAL
Concesión N° 4233

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 14 de Marzo de 1957.

Буэнос Айрес, четверг, 14 марта 1957 г.

№ 373

Николай Кремнев

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

К СОРОКАЛЕТИЮ ФЕВРАЛЯ

Исполняется сорок лет начала вскодов, посеянных "освободительным движением", разумного, вечного, доброго, — тех нетленных ценностей, которые должны были обеспечить русскому народу "невыразимо прекрасное будущее", избавив его, по словам Герцена, этого пророка и апостола Великого Февраля и Октября, от существующего порядка вещей, при котором "люди... подчиняются всякого рода властям и требованиям, вооружают целые толпы тунеядцев, строят суды, тюрьмы и строят виселицы, строят церкви и страшают адом. Словом, делают все так, чтобы, куда человек ни обернулся, перед его глазами был бы палач земной, или палач небесный, — один с веревкой, готовый все кончить, другой с огнем, готовый жечь всю вечность. ("Былое и Думы").

В эту эпоху, когда Герцен искал "Кто виноват?" и "когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое" (В. И. Ленин.) появился в свет роман Чернышевского "Что делать?". Именно, что делая, чтобы добиться этого самого невыразимо прекрасного будущего. Предвосхищенная Чернышевским линия марксизма-ленинизма, направленная тоже против "палача земного и палача небесного", одобрена самим пророком Великого Октября Карлом Марксом вещанием, что "Из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственно действительно оригинального мыслителя... его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли".

Каков же был успех романа "Что делать?". Об этом нам живо рассказывает в своих "Воспоминаниях" литературный критик тех времен и историк русской литературы Скабицкий. "...Мы читали роман чуть ли не коленапреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах; с таким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю русскую интеллигенцию направив на путь социализма, низведя его из заоблачных мечтаний к современной злобе дня... Социализм делался обязательным в повседневной жизни, не исключая пищи, одежды, жилищ и пр.... Таким образом появились те нигилистические костюмы, в которых щеголяла молодежь... Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы у женщин и космы сзади до плеч у мужчин, синие очки... Боже, в каком политическом ореоле рисовалось все это!".

Как же Чернышевский нарисовал то невыразимо прекрасное будущее, осуществление которого мы наблюдаем вот именно уже сорок лет со дня начала Великого Февраля, которое мы сегодня и отмечаем.

"Здание, громадное, громадное здание", — пишет он в "Что делать?" — "каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рош. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Кто же видел такие зерна?".

Поля, это наши поля; но такие цветы только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, — как же они растут

на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето... Но это здание, — что же это, какой оно архитектуры? Нет... это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри уже настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром;..

Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие во всю вышину этажей!.. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? Серебро? Платина?.. Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу!.. И повсюду южные деревья и цветы; весь дом огромный зимний сад... Но кто же живет в этом доме, который великопнее дворцов?.. С балкона здания видны окрестности. "По этим нивам" — продолжает Чернышевский — "рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе... Больше половины детей остались дома заниматься хозяйством: они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая спокойная жизнь. Она сохраняет свежесть. Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какую работу они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не итти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины, и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над той частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он, — как они устроили себе прохладу! (курсив мой. Н. К.). Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь!.. Но вот работа кончена, все идет к зданию... Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами... Сколько же тут будет обедающих? Да человек тысяча или больше... Великолепная сервировка. Все алюминий и хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами, блюда уже на столе; вошли работающие, все садятся за обед... всего пять, шесть блюд: те, которые должны быть горячие, поставлены в таких местах, где не стынут; в углублениях, где ящики с кипятком... Прошло уже три часа после захода солнца: самая пора веселья. Как ярко освещен зал... В зале около тысячи человек народа... это был бы придворный бал, так роскошна одежда женщины... самые разнообразные костюмы, разных восточных и южных покровов, все они грациознее нашего; но преобладает костюм похожий на тот, какой носили гречанки в изыснейшее время Афин — очень легкий и свободный, и на мужчинах тоже широкий, длинное платие без талии, что-то вроде мантий... И какой оркестр, более стартистов и артисток... У них вечер, будничные, обыкновенные вечер, они каждый вечер так веселятся и танцуют... как горят щеки, как блистают глаза... они приходили... они уходили... здесь комната каждого и каждой... в них... тайны не нарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна..."

Прочитав я этот бред прогрессивного маньяка явно эротического направления, посмотрел на его портрет, — пышная шевелюра не то артиста, не то философа, усы, почтенная борода, интеллигентские очки — и подумал: а какой же, прости Господи, набитый, но вред-

Русские люди!

Сорок лет тому назад, 2/15-го марта 1917-го года, в 3 часа дня, Государь Император Николай Александрович подписал манифест об отречении от Престола. Этот страшный момент, несомненно, является кульминационным пунктом трагедии, трагедии, залившей потоками крови и засыпавшей миллионными трупами всю нашу страну.

Приказ номер 1-й; прибытие запломбированного вагона с Лениным, Троцким, и другими "в о ж д я м и"; арест и ссылка Государя и Его Семьи; освобождение из тюрем уголовных преступников; избивание городских и жандармов; развал и отступление нашей Армии и последовавшее занятие немцами Юга России, Прибалтики и Финляндии; полное оцепенение и развал всего государственного аппарата; голод во всех больших городах — **ВОТ ВСЕ ТЕ ДОСТИЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОСЫПАЛИСЬ, КАК ИЗ РОГА ИЗОБИЛИЯ, НА НАШУ СТРАНУ!**

Преступное правление, обманом захватившего власть, так называемого "Временного Правительства", продолжалось всего восемь месяцев, но в итоге этого ничтожного срока вся страна превратилась в хаос и пылающее огнями пожарище.

25 окт./7 ноября, всего 236 дней после отречения Государя, вполне организованные и вооруженные банды большевиков штурмовали Зимний Дворец, а Керенский бежал, оставив юнкеров и девушек женского батальона на издевательства озверелой толпы.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

Не забудьте отметить страшную 40-ю годовщину вынужденного отречения от Престола Государя Императора Николая Александровича и придти на собрание, посвященное этой печальной годовщине, которое состоится в **ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17-го МАРТА, В 5 ЧАСОВ ВЕЧЕРА, улица МОНТЕВИДЕО 850.**

КОРПУС ИМПЕРАТОРСКИХ АРМИИ И ФЛОТА — СОЮЗ ИМПЕРАТОРСКОЙ КОННИЦЫ И КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ — СОЮЗ БЫВШИХ ИМПЕРАТОРСКИХ КАДЕТ — НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ — РОССИЙСКИЙ ИМПЕРСКИЙ СОЮЗ-ОРДЕН — НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ СКАУТОВ — РОССИЙСКОЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЕ НАРОДНО-ДЕРЖАВНОЕ ДВИЖЕНИЕ
устривают в воскресенье 17-го марта, в 5 часов вечера, в зале на улице Монтевидео 850

**СОБРАНИЕ ПО СЛУЧАЮ 40-й ГОДОВЩИНЫ
РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ
ВЫНУЖДЕННОГО ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТОЛА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**

Долг каждого русского посетить это собрание.
Вход свободный и бесплатный.

ный дурак! Таких, а имя им в нашей "освободительной" литературе Легион, надо было до окончания жизни изолировать в сумасшедшем доме!

С таким же приблизительно умственным вывихом, как и современники Чернышевского, впадшее в детство русское прогрессивное общество 1917 года восторженно приветствовало февраль. По случаю исполняющегося сорокалетия крушения российской государственности русская национальная печать многими статьями подводит итоги подсчета миллионные человеческие жертвоприношения осуществления теорий Маркса, Чернышевского, Герцена, Ленина, Сталина и прочих прогрессивных бесов, зафиксировав нечеловеческие страдания, горе и лишения русского народа, причиненные ему его каторжными благодетелями.

Преклоняя головы пред великомучениками социалистических палачей, мы можем, с неизменно неунывающим оптимизмом отметить проделанный за эти страшные сорок лет колоссальный этап

От Редакции:

В одном из ближайших номеров "Нашей Страны" мы начинаем печатание серии статей русской переводчицы **АЛЕКСАНДРЫ ВОРОНЦОВОЙ**, сопровождавшей советских туристов, впервые посетивших в 1956 году Западную Европу.

созревания русского народа, а следовательно, и верить в грядущее его блестящее будущее. Чтение вышеприведенной, ныне изжитой, преступной пошлятины Чернышевского, на которую так наивно клюнули наши сеятели доброго, разумного, вечного, дает нам в этом все необходимые гарантии.

Николай Кремнев

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

53. ПЕРЕТАСОВКА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ ПОСЛЕ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. — КУЦАЯ АМНИСТИЯ КАВКАЗЦАМ И КАЛМЫКАМ. — КУРЬЕЗНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ В. А. МАЛЫШЕВА. — ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА XX СЪЕЗДА?

В самом конце сессии Верховного Совета неожиданно были произведены некоторые перемены в правящих кругах. Прежде всего при составлении нового Верховного Суда СССР выбран был его председателем секретарь Верховного Совета Ал. Фед. Горкин, который в 1930-36 г. г. был секретарем Оренбургского (ныне Чкаловского) Обкома партии, а затем, с введения сталинской конституции в 1937 г., бесшестименным секретарем Верховного Совета СССР до смерти Сталина, затем в 1953-56 г. г. заместителем секретаря при секретаре Н. М. Пегове, назначенном 18 сентября прошлого года послом в Тегеран, после чего Горкин вернулся на пост секретаря. Теперь он будет вести всякие громкие процессы и явится орудием расправы в руках того, кто возьмет верх в партийной борьбе за власть.

Оба заместителя председателя: Ник. Куз. Морозов и Лев Ник. Смирнов — старые чекисты, как и часть 9 членов суда (В. В. Борисоглебский, А. А. Костромин, П. А. Лихачев, Б. С. Цырлинский). Среди 9 членов суда — одна женщина: Ирина Денисовна Якименко. Кроме них выбраны 20 заседателей разных национальностей, но не совсем ясно различие в этом советском суде между членами и заседателями.

Новым секретарем Верховного Совета СССР, по предложению секретаря Ленинградского Обкома Фр. Р. Козлова, выбран Мих. Порф. Георгадзе, член партии с 1942 г. и с прошлого года 2-й секретарь ЦК КП Грузии. Это первое, после смерти Сталина, выдвижение молодого грузина с небольшим партстажем на крупный пост.

Ознакомившись с полным текстом доклада А. Ф. Горкина, сделанного им накануне нового назначения, по работе президиума Верховного Совета, убедился в правоте моего анализа в предыдущей статье относительно куцого характера амнистии кавказцам и калмыкам. Оказывается, что 9 января с. г. Президиум Верховного Совета рассмотрел "законные пожелания и просьбы балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов и решил полностью исправить допущенную в отношении этих народов несправедливость... отменил запрещение гражданам этих национальностей возвращаться на прежнее местожительство".

Президиум принял указы о преобразовании Кабардинской АССР в прежнее Кабардино-Балкарскую, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, об образовании Калмыцкой автономной области и о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую авт. область. Однако переезд лиц, желающих вернуться на родину будет произведен "организованно": балкарцы, калмыки и карачаевцы будут возвращены на родину этапами в 1957-58 г. г., а более многочисленные чеченцы и ингуши — в 1957-60 г. г. При этом обещано "покровительство" тем, кто пожелает остаться в месте ссылки.

Отсюда ясно, что в продолжении нескольких лет эти ссылки будут пропущены через чекистский фильтр и многие вернутся на покинутые пепелища и увидят "сквозь туман седой незбылемый Кавказ". Со слов Горкина понятно, что только ингуши и чеченцы еще составляют большую национальную группу, а прочие народности вымерли, в большинстве, в ссылке и вернутся лишь остатки их, чтобы в качестве музейных экспонатов, как краснокожие в Соед. Штатах, служить предметом изучения "национальной политики" сталинских последышей.

Последние продолжают и сейчас держать в сибирской ссылке немцев Поволжья и крымских татар, о которых доклад Горкина умалчивает. Только свержение советского режима позволит им вернуться на те земли, куда немцев пригласили императрица Екатерина II и император Александр I. Немцы Поволжья и крымские татары

процветали под скипетром Царей и с нами вместе, сохраняя веру своих отцов, радостно приветствовать будут Русского Белого Царя!

12-го февраля закончился пленум Верховного Совета одобрением доклада Д. Т. Шепилова о внешней политике СССР, но все члены и кандидаты ЦК, съехавшиеся в Москву в качестве депутатов Верховного Совета, были приглашены на другое утро на новый Пленум ЦК, что ясно показывает, что на пленуме единодушные и единство в правящей верхушке было призрачным. Если все спорные проблемы получили бы свое разрешение на этой сессии Верховного Совета, то что же теперь должны были бы обсуждать при закрытых дверях эти полтора утробы угнетателей русского народа?

Однако они проспорили два дня (13 и 14 февраля) и это привело к следующему сюрпризу: пленум заслушал и одобрил доклад Хрущева о реорганизации управления промышленностью и строительством, выбрал кандидатом в члены президиума ЦК секретаря Ленинградского Обкома Фрола Романовича Козлова и снова выбрал секретарем ЦК Д. Т. Шепилова. Сейчас же Шепилов покинул пост министра иностранных дел "в связи с переходом на другую работу" и на его место назначен министром Андрей Андреевич Громыко, уступивший свой пост первого заместителя министра иностранных дел Ник. Сем. Патолычеву. Все эти перемены представляют большой интерес.

Постановление о реорганизации управления промышленностью имеет целью перенести на места, в столицы 15 союзных республик, управление промышленностью, построенное до сих пор на строгой централизации: в каждой республике свои министерства будут руководить всей промышленностью и строительством, но выполнять при этом директивы Госплана и Госэкономкомиссии СССР, причем еще будет создан новый орган контроля правительства СССР для проверки их работы; словом с разбухшим аппаратом в Москве организуется громоздкий аппарат и в других 15 столицах и прожорливый штат инструкторов, инспекторов и контролеров СССР, разбегжающихся по республикам. Весь этот сумбурный проект еще будет разработан Советом министров СССР.

Назначение Ф. Р. Козлова в президиум ЦК восстанавливает порядок, существовавший с 1926 г. по смерть Жданова в 1948 г.: т. е. в состав московской партийной верхушки входит наряду с сатрапом Украины (ими были Касиор, Хрущев, Каганович, опять Хрущев, теперь Кириченко) также сатрап Ленинграда (Киров в 1926-34 г. и Жданов в 1934-48 г. г.). Козлов принадлежит к молодым кадрам, в партию вступил в 1926 г. и начал карьеру уже после войны: в 1952 г. стал вторым секретарем Ленинградского Обкома, а после "ликвидации" скомпрометированного по пресловутому "ленинградскому делу" Вас. Мих. Андрианова, в ноябре 1953 г., — первым секретарем Обкома, т. е. диктатором опальной теперь бывшей столицы. Он кроме того член Президиума Верховного Совета СССР.

Большой скандал разгорелся с докладом Шепилова, построенном в примирительном к Западу духе "сосуществования" и женевских улыбок. Против этого Хрущевского клеветы выступили, видимо, как маленковцы, так и "молотовцы". Поэтому, сразу же после доклада они потребовали его отставки, но старые сталинцы не смогли заменить его самим Молотовым, чего не хотели маленковцы; поэтому его заменили лишь самым крутым дипломатом "молотовской" школы Громыко.

Для маскировки этого скандального увольнения министра, сразу после одобрения его доклада, коммунистическая печать всего мира стала повторять глупую версию московского радио, что его

его увольнение вызвано необходимостью поручить именно Шепилову руководство "идеологическими проблемами", в качестве секретаря ЦК. Этот вздор нетрудно опровергнуть: если именно Шепилов должен, в самом деле, вести идеологическую работу в ЦК, то зачем его назначили в июне прошлого года министром иностранных дел, оставив при этом секретарем ЦК. Ведь там идеологическая работа была поручена вовсе не ему, а Суслову для иностранных компартий и Поспелову для СССР. В декабре Пленум ЦК решил освободить Шепилова как раз от поста секретаря ЦК, чтоб он всецело занимался одной дипломатией, считая, что в ЦК без него обойдутся, а теперь от него отнимают дипломатию, чтоб вернуть его в ЦК. Ясно, что его политика потерпела провал и поэтому его решили убрать из дипломатии, вернув в ЦК под кралышко его покровителя Хрущева на роль, которую он играл до июня 1956 года.

Его преемник Громыко — креатура Молотова: родился в 1909 г. и вступил в партию еще студентом в 1931 г. Преподавая политэкономии в московских Вузах и в 1939 г. перешел в НКВД после назначения Молотова на место Литвинова. Вскоре назначен советником посольства в Вашингтон и в 1943 г. стал там же самым молодым послом в возрасте 34 лет. В 1946 г. стал зам. Наркома и в 1952 г. назначен послом в Лондон и выбран кандидатом ЦК. После смерти Сталина вернулся в Москву первым зам. министра иностранных дел и на 20-м съезде выбран членом ЦК. Еще до работы по дипломатии, когда он в 1935-38 г. г. преподавал в партшколе при ЦК, он сумел показать себя ярким фанатиком сталинской доктрины, врагом Запада и сторонником агрессивного наступления на "разлагающийся" капиталистический мир. В дипломатических кругах его назначение рассматривается, как отказ от политики улыбок и возвращение к политике мелких агрессий по всему миру для расстройств всякой оборонительной тактики американцев, к которым он относится с известной среди советских дипломатов ненавистью. От него ждут также новых назначений среди советских дипломатов и смещения послов в ряде столиц.

Через неделю после смены министра иностранных дел последовало сенсационное назначение на место малозаметного посла в северной Корее Вас. Ив. Иванова видного хрущевского клеветы, 1-го заместителя председателя Совета министров РСФСР Алек. Мих. Пузанова. Читатели помнят отмеченный в первой моей статье в "Нашей Стране" эпизод: когда Маленков прочел среди общего смущения свое заявление с просьбой об отставке, то раздался голос Пузанова: "ну что же! конечно, надо принять отставку тов. Маленкова"! На этом было прервано заседание Верховного Совета и лишь через 4 часа оно возобновилось предложением Булганина в преемники падшему Маленкову. С тех пор Маленков искал случая расплатиться с Пузановым и вот теперь его посылают в далекий Пхеньян. Я вижу в этом опалу Пузанова, а не признания того, что СССР готовит авантюру в Северной Корее и потому шлет туда крупного сановника. Пузанов никогда не работал в дипломатии или в Коминформе и потому это не ответственное партийное поручение, а политическая опала, проведенная врагами Хрущева против его клеветы, пост для которого подобрал Громыко.

Второй посол, пострадавший при новом министре — провалившийся в Риме Ал. Ефр. Богомолов. На его место назначается член совета при министре иностранных дел Семен Павлович Козырев. Это типичный дипломат молотовской школы, сверстник Громыко по возрасту и по службе, хотя и менее заметный: родившись в 1907 г. по окончании университета, работал в партийном аппарате, с назначением Молотова перешел в 1939 г. в НКВД и в 1944 г. прибыл с послом Богомоловым в Париж в качестве первого секретаря посольства, затем работал в советской делегации при Объединенных Нациях и в 1950 г. назначен посланником в Египет, где сначала поддерживал компартию, чем навлек на себя нападки правительства Нагиба. В 1952 г. отозван в Москву на "резервный" пост члена совета при министре, который занимал до своего назначения в Рим. С подобного же поста

назначены послы: в Швецию — Федор Тарасович Гусев 21 декабря 1956 года и в Аргентину — Михаил Алексеевич Костылев 16 ноября 1956 года.

Новый посол в Японии Ив. Фед. Тевосян, о котором я писал в прошлой статье, уже прибыл в Токио и представил свои вверительные грамоты.

Только что узнал о новом назначении в Мин. Иностр. Дел СССР: 23-го февраля с. г. министр легкой промышленности СССР Никита Сергеевич Рыжов (в прошлом мин. промышленности товаров широкого потребления, затем мин. текстильной промышленности) назначен послом в Турцию вместо "переведенного на другую работу" Бориса Федоровича Подчероба, члена ревиз. Комиссии КПСС.

Таким образом при Громыко продолжает расти число советских послов без всякого дипломатического опыта и стажа, но с бюрократическим партийным прошлым: к Епишеву в Бухаресте, Фирюбину в Белграде, Пономаренко в Варшаве, Гришину в Праге, Юдину в Пекине, Меньшикову в Нью-Дели, Пегову в Тегеране можем добавить Тевосяна в Токио, Пузанова в Пхеньяне и Рыжова в Анкаре.

Советская секретомания приобрела уже давно комический характер, давая обильную пищу для сенсаций бестолковым западным журналистам и "экспертам". О болезни всякого западного политика (хотя бы Айзенхауэра или Идена) сообщают газеты, печатают медицинские бюллетени и дают свои диагнозы и прогнозы врачи. Но в СССР любая болезнь держится в тайне, даже если зовут в Москву западных врачей. Когда вызвали в Москву немецкого профессора Шультейса, то ему не сказали, кто его пациент, у которого московские врачи установили острый лейкоз. Журналистам Шультейс мог сказать, лишь, что пациенту на вид лет 55 и что он полулысый и бритый исхудалый больной. Заметив отсутствие на дипломатических банкетах простудившихся Маленкова, Кагановича и маршала Василевского, журналисты догадались, что это не Маленков, но, вероятно, или Каганович или Василевский. Я разочаровал при встречах моих коллег, сообщив им, что у 64-летнего Кагановича пышные усы, а у маршала в 62 года расчесанные на прямой пробор подкрашенные волосы и никакой лысины нет.

Немец подтвердил диагноз русских коллег и назначенное ими лечение, добавил, что нет надежды на выздоровление. Через неделю тайна разъяснилась!

По сообщению ЦК и совета министров 20 февраля скончался от острого лейкоза Вячеслав Александрович Малышев, член ЦК, первый зам. председателя Госэкономкомиссии и председатель Гостехники. Жизнь этого видного сталинца довольно характерна: родившись в 1902 г., он учился в железнодорожном техникуме, работая слесарем, затем ездил машинистом на паровозах и в 1926 г. стал коммунистом, 2 года провел в армии, затем снова машинистом. В 1930 г. он попал в "партбюро" (1.000 отборных коммунистов, направленных в Вузы для составления кадров партийных инженеров). Кончив в 1934 г. Высшее Техн. Училище, он отличился среди выпуска тем, что еще студентом руководил первой опытной поездкой тепловоза от Москвы до Ташкента. Работая инженером на Коломенском заводе, Малышев стал в 1937 г. его директором. Ежовщина открыла ему путь к посту Наркома тяжелого машиностроения в 1939 г., а через год он уже Зам. Председ. Совнаркома и руководит всеми промышленными Наркоматами. В годы войны он сумел увеличить производство танков в 20 раз и организовал производство "гвардейских минометов-Катюш".

После войны руководил подряд министерствами транспортного машиностроения и судостроения, создал "Гостехнику" и стал одним из главных "хозяйственников" ЦК. Поддерживал выдвигавшего его Маленкова, а после его падения — Хрущева. Держался несколько в стороне от политики, погоняя промышленные предприятия на невыполнение планов. Имел репутацию толкового и беспощадного администратора. В медицинском заключении о его болезни и смерти сказано, что он заболел в середине января и болезнь прогрессировала, несмотря на применение всех современных лечебных мероприя-

тий (о приглашении немецкого профессора умалчивается).

На похоронах Малышева почему-то отсутствовали Булганин, Микоян и Хрущев, несшие, впрочем, накануне с другими «вождями» караул у его гроба.

Эти похороны совпали с празднованием 39-й годовщины Красной Армии.

Накануне в Центральном Театре Советской Армии состоялось торжественное заседание с довольно бесцветной речью вернувшегося из Индии маршала Жукова. В самый день годовщины напечатан его приказ с обычными шаблонными фразами и длинная статья маршала Малиновского. Вечером же Нач. Генерального Штаба маршал Соколовский устроил прием, на котором присутствовали маршалы Баграмян, Буденный, Вершинин, Руденко, Судец, Скрипко, Варенцов, Казаков, Чистяков и вернувшийся с расправы над венгерскими патриотами ген. армии Малинин, адмиралы Фокин и Левченко и «политические генералы» Желтов и Кузнецов, возглавляющие Политическое Управление Мин. Обороны.

Только на днях смог получить недавно опубликованный стенографический отчет 20-го съезда, из которого узнал много интересных деталей.

Прежде всего нужно отметить, что Съезд выбрал в состав ЦК ряд лиц, не бывших делегатами этого съезда: из 133 членов ЦК выбраны заочно по предложению правящей верхушки 12 человек: маршал Соколовский, генерал армии Штыков, министры Бешев, Ванников, Громько, Задемитко, Петухов, Тихомиров, Устинов, зав. Иностранным Отделом ЦК Б. Н. Пономарев, Зав. Отделом Науки и Культуры Ал. Мих. Румянцев и секр. Читинского Обкома Г. И. Воронов. Из 122 кандидатов ЦК выбраны заочно 37 человек (среди них послы: в Бухаресте — А. А. Епишев, в Вашингтоне — Н. Зарубин, в Лондоне — Я. А. Малик, в Нью-Дели — М. А. Меньшиков, в Белграде — Н. П. Фирюбин, 18 министров, маршал артиллерии М. И. Неделин и ряд других бюрократов); из 63 членов Ревизионной Комиссии 25 т. е. больше трети также не были делегатами съезда и выбраны из партийно-советской правящей клики.

Еще много других интересных выводов о жизни партии можно сделать из этого отчета. Прежде всего он впервые в СССР подтверждает наличие неопубликованного доклада Хрущева о преступлениях Сталина. Мы все его читали, но в России его прочитывали на закрытых партийных собраниях и то не полностью.

Во втором томе отчета на стр. 402 сказано, что «утром 25 февраля съезд заслушал на закрытом заседании доклад 1-го секретаря ЦК Хрущева о культе личности и его последствиях», по которому принял резолюцию. Сам доклад не напечатан, а на стр. 498 опубликована только краткая резолюция, по которой съезд одобряет «мероприятия по устранению последствий культа личности», не указывая, в чем же они состоят? Текст доклада опубликован Гос. Департаментом Соед. Штатов и задача эмиграции состоит в том, чтоб суметь его донести до сведения русского народа, который слышал о том, что Хрущев признал преступления Сталина перед съездом, но скрыл их от русского народа.

Интересно, что из 1.300 слишком делегатов лишь 12 человек были в партии до революции, т. е. в подполье. Вот они по годам вступления в партию: Ворошилов (1903 г.), Куусинен (1904), Черепашин (1905 г. неведомая фигура!), Шверник (тоже 1905), Молотов (1906), Каганович (1911), Коротаев (1913 г. тоже неизвестен!), Андреев (1914), Микоян, 2-й секр. латвийской компартии Арвид Пельше и некий Сазонов (все трое — 1915), неизвестный Кременицкий (1916 г.).

При Временном правительстве коммунистами стали 10 делегатов съезда: маршалы Булганин и Марецков, председатель Ревизионной Комиссии П. Г. Москатов, первый секретарь компартии Я. Э. Калиберхин, министр внешней торговли Г. Кабанов (сыновья которого оскандалились, как помнят читатели), 2 недавно умерших министра — Лихачев и Завенягин, командующий Ленинградским военным округом генерал армии М. В. Захаров и 2 неведомых нам Царевский и Чудненко. Все же прочие делегаты вступили в партию, когда она уже оказалась у власти, и они приняли участие в закабалении русского народа, питаюсь за счет его трудов.

Н. Потоцкий

ДВА ИМПЕРИАЛИЗМА

— «Взгляните на карту, — говорил один иностранец еще 80 лет тому назад большому русскому мыслителю-националисту Н. Я. Данилевскому, автору нашумевшей в то время книги «Россия и Европа», — разве мы не можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кашмар?»

На это Данилевский ответил одной из самых блестящих глав своей книги, мысли которой не только не потеряли своей значимости в наши дни, но, напротив, могут служить вескими аргументами для тех российских националистов, которые стремятся опровергнуть обвинения недобросовестных или невежественных иностранцев в каком-то особенно захватническом и корыстном русском империализме и в его чудовищных и ненасытных аппетитах.

Вот почему я позволяю себе сконденсировать главные мысли этой главы книги Данилевского, как материал для наилучшего идейного вооружения защитников чести и достоинства Императорской России.

Ясно, конечно, что при взгляде на карту это графическое давление России на Европу бросается в глаза; но где, когда и как оно выражалось на деле? И разве Франция при Людовике XIV и Наполеоне, Испания при Карле V и Филиппе II, Австрия при Фердинанде II не тяготели фактически над Европой, угрожая уничтожить самостоятельное и свободное развитие некоторых ее национальностей?

Правда, Россия не раз вмешивалась в судьбы Европы, но каков был повод к этим вмешательствам? В 1799, 1805 и 1807 г. г. русская армия сражалась не за русские, а за европейские интересы, из-за них же Россия навлекла на себя грозу 12-го года, после нее два года боролась с Германией и Европой, а покончив с Наполеоном, точно так же спасла Францию от ищущих Европы, как спасла Европу от угнетения Францией. 35 лет спустя она опять спасла от распада Австрию.

Какую благодарность за все это она получила, всем хорошо известно, но дело не в этом, а в том, что, не-

В февральской книжке журнала «Звезда» продолжается печатание мемуаров генерала Мих. Д. Бонч-Бруевича, он описывает, как его брат — секретарь Ленина Влад. Дм. представил его Ленину и тот поручил ему пост «Военрука» при возглавляемом Троцким Военном Совете. С ним пошла на службу большевикам 3 генерала: Лукирский — помощником «Военрука», Сулейман — начальником оперативного отдела и Раттель — начальником военных сообщений. Позднее к ним еще весной 1918 г. примкнул генерал Дм. Павл. Парский (умерший год спустя от сыпняка), затем генералы Егорьев, Сытин, Самойлов и расстрелянный в 1937 г. А. И. Егоров. Сообщив, как он перевел Академию генер. штаба в Екатеринбург, Бонч-Бруевич таинственно замечает: «именно среди офицеров Академии возник план освобождения из заключения Николая Романова и его семьи». Об этом никогда не было сведений. Злобно сообщает автор о генерале Архангельском, бежавшем в Крым и, якобы, разжалованном белым военным судом! Бонч-Бруевич молчит о том, что в момент писания им мемуаров генерал возглавляет РОБС.

Он говорит: «Архангельскому не повезло при старом режиме — первое крупное назначение он получил от большевиков, которых потом сознательно предал!» Понимал ли угасавший Бонч-Бруевич, что именно он был предателем не только своего Государя, но и народа, который он помог большевикам закабалить?

Его полные лжи мемуары служат памятником его морального падения. Армия в наши дни показала в Венгрии, что в ней растут силы, которые пойдут с народом против тех угнетателей России, которые пользовались услугами и военными знаниями и опытом Бонч-Бруевича, презирая его и держа на задних ролях, несмотря на его почти 40-летнюю службу коммунистической диктатуре.

Алексей Ростов

смотря на все эти уроки истории, так называемое, общественное мнение Европы никогда не переставало кричать о том, что Россия — колоссальное завоевательное государство, беспрепятственно расширяющее свои пределы и, следовательно, угрожающее спокойствию и независимости Европы.

Да, конечно, наша Матушка-Россия велика, но большую часть ее территории русский народ занял путем свободного расселения, а не государственно-завоевательным. Надел, доставшийся русскому народу, составляет совершенно естественную область, столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, область, резко ограниченную со всех сторон (кроме западной) морями и горами. На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда наш народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыня, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые приходилось бы разрушать или топтать ногами, чтобы занять их место. Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез. Он терпел много неправд и утеснений от татар и поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не считать утеснением отражение несправедливых нападений и притязаний. Он или занимал пустыню, или соединял с собою путем исторической, несколько не насильственной ассимиляции мелкие финские племена, не имевшие ни зачатков исторической жизни, ни стремления к ней, или же принимал под свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, сами просились под его защиту, как армяне, грузины, украинцы. Завоевание играло во всем этом ничтожную роль, а главное, не заключало в себе политического и национального убийства или изувечения присоединенных национальностей.

Достаточно перечислить эти «завоевания», чтобы увидеть истину всего этого сказанного.

Начнем с Финляндии. Финское племя никогда не жило исторической жизнью, следовательно, его присоединение к России по Ништадтскому миру не являлось ни уничтожением его национальной самостоятельности, ни нарушением чьих-либо прав. Присоединив Финляндию, Россия оставила ей полную этнографическую самостоятельность. А когда, — и именно со времени ее присоединения к России, — начала пробуждаться финская народность, то Финляндия получила политическую свободу и государственное устройство, которые не дают никому никакого права говорить об ее угнетении: она имела свой парламент (которого не имела даже сама Россия), свою администрацию, свои деньги, свои школы, освобождение от воинской повинности и т. п., не говоря уже о том, что финнам было оставлено в полную собственность все их материальное достояние (сравните это с тем, что сделала Англия с завоеванной ею Ирландией!)

Обратимся к Прибалтийским странам. Можно ли говорить об их завоевании Россией, как ранее не принадлежавших ей областей? Конечно, нет, ибо это пространство от Чудского озера и реки Нарвы и до прусской границы, это — исконные русские области, где еще Ярослав Мудрый основал Юрьев (Дерпт), где позволения поселиться первые рижские епископы просили у Полоцких князей. Не Русские были здесь завоевателями, а незванные и непрошенные немецкие искатели приключений, явившиеся сюда огнем и мечом распространять духовное владычество пап, обращать туземцев в рабство и присваивать себе чужую собственность. Россия никогда не признавала этого вторжения пришельцев, и Псков и Новгород, стоявшие здесь на страже Земли Русской, не переставали протестовать против него с оружием в руках.

Присоединение Бессарабии освободило ее православное население от гне-

та диких и грубых завоевателей, турок и ее освобожденное население торжественно воевало это событие, как освобождение из плена, в результате чего эта область превратилась в мирно цветущую и совершенно равноправную часть Великой Российской Имперской семьи.

Присоединение Новороссии, т. е., южно-русских степей, было совершенно справедливым актом самообороны Государства Российского от хищников, постоянно нападавших на русские области с поощрением Турции. То же самое относится и к Крыму, как к убежищу непримиримых врагов России. Если здесь и имело место завоевание самостоятельного государства, то неоспоримо, что оно представляло собою настоящее разбойничье гнездо, ликвидация которого оправдывалась и божескими, и человеческими законами.

Обратимся к Кавказу.

Мелкие закавказские христианские государства еще со времени Грозного и Годунова молили о русской помощи и предлагали принять русское подданство. Александр I решил, наконец, исполнить их просьбу, видя, что без этого присоединения им грозит гибель. Правда, одновременно были покорены и несколько маленьких магометанских ханств, образовавших Эриванскую губернию. Это действительно было завоевание, но кто может отрицать, что завоеванные от этого только выиграли, что и доказывает тем, что они превратились в лояльнейших подданных Белого Царя, и сыновья и внуки их служили, наравне с русскими, во всех отраслях русского государственного управления и армии.

Что же касается покорения горских племен Кавказа, то и оно было актом законной самозащиты со стороны России. Ведь до их покорения это были природные хищники и грабители, никогда не дававшие покоя соседним русским областям, пролившие немало русской крови, угнавшие в турецкую неволю многие тысячи русских пленников и пленниц и принуждавшие двухсоттысячную русскую армию десятилетиями сторожить все входы и выходы их из разбойничьих вертепов. Но что дало этим племенам присоединение к России? Не были ли они приняты равноправными членами российского имперского Дома? Не вышли ли из их рядов герои и борцы, всадники, офицеры и генералы, сражавшиеся с внешними врагами Российской Империи, ставшей для них любящей и заботливой Матерью? И когда западное «общественное мнение» клеймило по этому поводу Россию именем угнетательницы свободных народов, то почему же оно не клеймило и Англию, которая разогнала на все четыре стороны своих шотландских горцев?

О Сибири и говорить нечего. Где тут завоеванные народы? Покорение Сибири было в сущности занятием пусто-по-рожного места, совершенным казацкой удастью и расселением Русского народа, почти без содействия государства. Добавим сюда еще «завоевание» Амурского края, который не был никем заселен и куда всякое переселение было даже запрещено китайским правительством, неизвестно на каком основании считавшим его своею собственностью.

Таковы «завоевания» России. Если быть справедливым и объективным, то строго говоря, ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием — в дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле. Много ли есть государств, могущих сказать про себя то же самое? Англия у себя под боком завоевала Ирландию, отняла у ее народа право собственности на его родную землю, голодом заставила его выселяться в Америку, а на расстоянии чуть ли не полукругности земли покорила царства и народы Индии, отняла Гибралтар у Испании, Канаду у Франции, Мыс Доброй Надежды у Голландии; Франция завоевала от Германии Эльзас и Лотарингию, у Италии Корсику и Ниццу, за морем покорил Алжир, Марокко, Тунис, Индокитай, Мадагаскар; Пруссия получила часть Польши, на которую не имела никакого права. Австрия являлась государством, самое существование которого было уже преступлением против права народностей; Испания в былые времена владела Нидерландами, большую часть Италии, покорила и уничтожила целые цивилизации в Южной Америке. Нужно ли перечислять заморские завоевания Бельгии и Голландии, Португалии и др.? Не являлись ли

Б. Ширяев

ВОССТАВШИЙ ИЗ НЕБЫТИЯ

(135 лет со дня рождения Аполлона Григорьева)

Виссарион Белинский был исключен из университета за явную неуспеваемость в науках и не знал ни одного европейского языка, хотя с наглым апломбом провозглашал идеи западно-европейской философии и литературы, призывая русскую мысль идти по их следам. В частности, превознесенного им до небес Гегеля он абсолютно не читал, а лишь знал о нем со слов Бакунина. Современник Белинского, литературный критик и философ искусства диаметрально противоположного направления, Аполлон Григорьев, был высоко образованным человеком, знал пять европейских языков настолько, что давал, например, прекрасные, точные переводы Шекспира, бывал за границей, но не призывал к хвостизму у Европы, а, наоборот, влек русских писателей к родной им национальной стихии, к русскому национальному мышлению, к "почве".

Белинский поучал, судил, карал, клеймил... Григорьев лишь разгадывал, разъяснял, углублял литературное творчество своих современников. Свои литературно-философские идеи он черпал в русском море, выращивал их на русской почве, в климате русской стихии.

Белинский был носителем идеологии Запада и за ним шли толпы оголтелых недоучек, верхотрясов, всезнаек — радикальная российская интеллигенция. Это были "званные".

Григорьев был идеологом русской почвенности (им-то и был применен впервые этот термин) и создателем теории органичности литературы, то-есть связи подлинно высоких литературных произведений с порождающей их человеческой средой, с прошлым этой среды, то-есть русского народа. Синтезируя прошлое с настоящим, он нащупывал путь в будущее и указывал его писателям-современникам. Эта идея органичности, жизненности, народности литературы и искусства была впервые провозглашена именно Аполлоном Григорьевым, именно на русской почве и лишь через десять лет ее развернул в Европе и в мире Ипполит Тэн. За Григорьевым, при его жизни, шли немно-

все эти завоевания проявлениями совсем иного империализма, чем империализм российский, империализмом корыстным, захватническим, антихристианским, подчас народоубийственным? Не показал ли себя империализм российский бескорыстным, гуманным, великодушным?

Никогда так ярко, как в нашу эпоху, не представляется реальной возможностью оценить подлинную сущность этих двух империализмов по плодам их. Великие колониальные империи трещат по всем швам и распадаются на свои составные, их метрополиями в свое время завоеванные части. Сравним эту картину с Императорской Россией перед революцией. Жалкие кучки украинских и грузинских самостийников, питавшихся иудинными сребренниками иностранных генеральных штабов, были единственными врагами великодушного российского империализма. Польше с высоты Престола было обещано восстановление ее национальной независимости. Национальных уродов в семье в стиле современных "казакцийцев" и в природе не существовало. И напротив, извне, древне-русская область, Прикарпатская Русь, бережно и самоотверженно сохранявшая под австрийским гнетом русскую культуру, жадно тянулась к Великой Матери-России.

Когда в наши дни, даже в правых европейских газетах, с болью в душе читаешь о равноценности советского империализма с империализмом Царской России, поражаешься, как мало изменилось отношение Европы к России со времени Данилевского! Как верно в приложении к сегодняшнему дню звучит его эпитафия к той же главе его книги:

Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья

Тысячглавой лжи газет,
Измены, зависти и страха порожденья.

Друзей у нашей Руси нет!

Н. Потоцкий

гие, но это были "избранные". В числе его ближайших друзей и последователей мы видим Островского, Лескова, Леонтьева, историка С. Соловьева, Фета, Тютчева, Аксакова, Хомякова, а несколько позже вдохновенно провозгласил его идею русской почвенности Ф. Достоевский в своей потрясающей пушкинской речи.

И все же, Белинского изучали в дореволюционных гимназиях, его идеи и критические суждения признавались "классическими", в большом почете он и теперь на литературных факультетах Вузов и в советской средней школе. Немало почитателей его можно найти и в "прогрессивном" крыле российской политической эмиграции. Григорьев же еще при жизни был зачислен в лагерь "реакционеров", не допускался на страницы крупнейших журналов (например, "Современника"), был "уволен от русской критики", как писал он сам перед смертью, а потом окончательно погружен в небытие до конца позитивистического XIX века.

"Много званных, но мало избранных".

Овладевшие командованием над историкографией русской литературы "прогрессисты" смаху зачислили Аполлона Григорьева в ряды славянофилов, идейное влияние которых к концу XIX века было приведено к нулю. Но это был только шулерский вольт. Славянофилом Аполлон Григорьев не был. Его внимание не привлекали ни "славянские ручьи, сливающиеся в русском море", ни балканские братушки. Его влекло к себе только самое "русское море" в своей полной самобытности, без займов или обносков, принятых как от Византии — "господ греков", по выражению Григорьева, — так и от Запада, воплощавшегося для него в петербургском периоде русской истории. В подлинную русскую почву устремлял он свои корни.

"Мне старый собор нужен, — писал А. Григорьев, — старые образа в окладах, с сумрачными ликами, следы истории нужны, нравы нужны, хоть, пожалуй, и жестокие, но типические".

Эти почвенные его устремления ни в какой мере не походили ни на пресловутое "лапотничество" квасных патриотов, ни на фальшивую гримировку "а ля мужик" слезливых псевдонародников. Углубляясь в родную национальную почву, Аполлон Григорьев искал в ней прежде всего ее самобытную красоту, так как именно красоту он утверждал в качестве главной цели литературного творчества. Отвлеченную красоту, красоту, как самоцель, он отрицал. "Понятие об искусстве для искусства является только в эпохе упадка, в эпохе разъединения", — писал он, то-есть тогда, когда гипертифированный в своем изыске слой интеллигентов отрывается от основной массы нации и литература не выражает уже склада духовной жизни народа, но отражает лишь изолированное мышление некоторой его группы. Развивая эту идею в своих литературно-критических концепциях, Аполлон Григорьев приходит к утверждению единства истины и красоты, проистекающего из общности всей духовной жизни нации. В своих разборах современных ему крупнейших русских писателей А. Григорьев намечает динамику их роста, поступательный путь их развития именно от чуждого к родному, к своему, к почвенному. Так творческую линию Пушкина, его возвышение, он ведет от преодоления им посторонних влияний — анархического индивидуализма Алеко в поэме "Цыгане" к жертвенному смиренному станициному смотрителю, к тихому подвигу капитана Миронова, к русской душе Татьяны Лариной. Ту же направленность он видит и в Лермонтове: от байронического "Демона" — к чисто почвенно русскому Максиму Максимовичу.

Родную почву он чувствует интуитивно предугадывает ее даже в еще далеко не развернувшейся при жизни А. Григорьева творчестве Л. Толстого; умеет найти ее, ощутить ее мощь в казалось бы "обличительных" шаржах русского купеческого быта Островского и даже... в сонной Обломовке, где дремлют не призванные еще историей к действительности национально-почвенные силы, дремлют, как сама

русская почва в предвесенние месяцы. В своей статье о Гончарове почвенник Григорьев осмелился не только развенчать общепризнанную героиню Ольгу, но и установить превосходство над ней простой, уютной и женственной Агафьи Матвеевны. "Из Ольги под старость выйдет преотвратительная барыня, с вечной бесцельной тревожностью, истинная мучительница всего окружающего", — писал он, а "Агафью Матвеевну выбрал Обломов не потому что у нее локти соблазнительные и она хорошо готовит пироги, а потому что она гораздо более женщина, чем Ольга". Эта статья вызвала, конечно, бурный протест в лагере инкомыслящих и послужила одним из предлогов к дисквалификации А. Григорьева, как литературного критика и философа-искусствоведа.

В конце XIX века и в начале XX русское общество и, в частности, его передовые интеллектуалы буквально задыхались в духоте и смраде тупика, в который была загнана русская литература "второй цензурой" душителя свободной мысли псевдонародника — радикала Михайловского, его прихвостня Скабичевского и присных им "направленцев", умудрившихся даже Чехова, бывшего в полном расцвете его таланта, свести в третий разряд писателей. Где выход? При помощи какого орудия можно было разрушить стены этой тюрьмы?

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей
Золотое сердце России

Мерно бьется в груди моей —

Во всю мощь провозгласил отважный Николай Гумилев. Эти его слова были не чем иным, как вызволением из небытия почвенной национально-русской идеи Аполлона Григорьева. Свежий, целительный воздух ворвался и оживил атмосферу застоя. Зацвели на рязанском черноземе васильки и ромашки Сергея Есенина: древние песни раскольничьих скитов принесли из олонечных лесов Николай Клюев; Максимилиан Волошин решительно отвернулся от пошлятины монмартрских кабаков и молитвенно повторил неремнады протопопа Аввакума.

Но недолго гулял свободный утренний ветер в возрождавшейся русской поэзии. Глухая тьма революции и пореволюционных тиранических годин замкнула русскую мысль и русское слово творчество в еще более смрадную, еще более тягостную темницу "социалистического реализма" — сознательной, подневольной лжи.

Что же это? Конец? Смерть?

Может ли умереть, заглохнуть голос закабаленного, закованного в кандалы, но еще живого душой своей великого народа? За последние годы, несмотря на жесточайшие условия советской цензуры и Дамоклов меч, висящий над каждым подсоветским русским писателем, появились такие литературные произведения, как "Волга матушка-река" — Панферова, "Лес" Леонова, "За далью даль" Твардовского... В зажатой пресом партийности подсоветской критике прозвучали призывы к освобождению в статьях Померанцева и Щеглова. Русским почвенным духом повеяло от целого ряда поэтических произведений. И, наконец, теперь в течение последних месяцев мы, несмотря на всю неполноту доходящих до нас с поработанной родины сведений, все же можем ясно видеть бунт русских подсоветских интеллектуалов — писателей, поэтов, теоретиков искусства и работников сцены — их восстание против "социалистического реализма", как против лжи, искажающей подлинную действительность, как против разрушения красоты истинного искусства, то-есть, по концепции Аполлона Григорьева, почвенности в которой он синтезировал истину и красоту.

Можно исказить внешность земли, навалив на нее мусора, обезобразив, изуродовав, загадив ее, но нельзя лишить эту землю, эту почву ее рождающей созидательной силы.

Б. Ширяев

Вышла из печати
и поступила в продажу
новая книга
Ген.-Штаба Полк. Богданович
"АРАКЧЕЕВ"

Цена 1.50 ам. дол.

Склад издания
В. Riasnianski, Obligado 2130,
Buenos Aires, Argentina

Политическая Хроника

У "РЕФОРМИСТОВ"

Нам пишут из Нью-Йорка: "Новое Русское Слово" сообщает, что шведское правительство не нашло возможным разрешить "Конгрессу за Права и Свободу в России", созываемому редакцией "Посева", избрать Стокгольм местом своих заседаний. Вследствие этого, организационный комитет Конгресса обратился к бельгийскому правительству с просьбой разрешить созвать Конгресс в Брюсселе. По словам "Нового Русского Слова", есть основание полагать, что разрешение на созыв Конгресса в Брюсселе будет дано.

Членами организационного комитета Конгресса в настоящее время состоят солидаристы Н. Е. Андреев, Л. А. Пар и А. И. Светланин, редактор "Часового" В. В. Орехов, председатель ЦОПЭ в Берлине Ф. А. Арнольд, председатель Калмыцкой организации Д. И. Наминов и бывший председатель Координационного Центра в Мюнхене проф. И. А. Курганов.

Организационный комитет опубликовал список лиц, проживающих в Северной и Южной Америке и якобы давших свое согласие на участие в Конгрессе. В числе этих лиц названа А. Л. Толстая. Из достоверного источника "Нашей Стране" сообщают, что А. Л. Толстая согласия на участие в Конгрессе не дала.

ПОКАЗАНИЯ М. Е. ОСТЕРФЕЛЬДА

Нам пишут из Нью-Йорка: "Нью-Йорк Таймс" опубликовал сообщение своего венского корреспондента, утверждающего, что со времени прошлого октябрьского освободительного восстания в Венгрии, из этой страны в Австрию перешло только 6 перебежчиков — бывших чинов советской оккупационной армии в Венгрии. Единственным офицером в числе этих перебежчиков был, по словам газеты, старший лейтенант М. Е. Остерфельд, уроженец Одессы и в прошлом — служащий НКВД.

В Австрии Остерфельд дал показания, согласно которым он во время восстания в Венгрии командовал батальоном, входившим в состав 4-й моторизованной дивизии. Этот батальон, по словам Остерфельда, полностью перешел на сторону восставших венгров, передал восставшим семь танков и 13 бронемашин и участвовал в боях против советских войск, оставшихся верными коммунистам. В этих боях батальон был разбит, а Остерфельд, перодевшись в штатское, бежал в Австрию.

Остальная часть показаний Остерфельда относится к организации советского саботажа на Ближнем Востоке и в других странах свободного мира.

Новое сообщение "Нью-Йорк Таймса" о числе русских перебежчиков из советской армии, ныне находящихся в Австрии, противоречит сведениям, недавно опубликованным известным американским радио-комментатором Дрю Пирсоном, утверждающим, что в Австрии и Югославии находятся ныне 3.000 перебежчиков из советской армии, а также сведениям, полученным русскими организациями в Нью-Йорке из австрийских источников.

Средства, предназначенные на оказание помощи этим перебежчикам и собранные с этой целью членами Народно-Монархического Движения в Калифорнии, переведены в Австрию и переданы в распоряжение австрийских учреждений, ведающих помощью перебежчикам.

СОБРАНИЕ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

Нам пишут из Нью-Йорка: По почину ряда российских организаций, в Филадельфии состоялось большое открытое антикоммунистическое собрание, которое привлекло многолюдную аудиторию. Председателем собрания был полк. С. Н. Ряснянский. Речи были произнесены председателем Российского Политического Комитета Б. В. Сергиевским, председателем Всероссийского Комитета Освобождения князем С. С. Белосельским-Белозерским, представителем Российского Народного Движения Л. И. Грабовским и председателем Калмыцкого Комитета в Филадельфии С. Степановым. Кроме того, собрание выслушало показания русско-

Библиография

АДМ. БУБНОВ. В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ
(Изд-во им. Чехова)

Адмирал Бубнов в предисловии к своим воспоминаниям "В Царской Ставке" пишет, что с самого начала войны симпатии и чаяния русской общественности разделились между 2-мя верховными органами власти: одни возлагали свои надежды на Престол и правительство, вторые — на Главную Ставку Верховного Командования. По словам адмирала Бубнова "все честные и любящие свою родину люди, принадлежавшие по своим убеждениям к прогрессивно настроенным слоям общества, устремили свои взоры на Ставку, а все, что было сосредоточено в "темных силах" распутинского толка, тесным кольцом охватило правительственные сферы и престол".

Несмотря на всю свою историческую тенденциозность, это признание адмирала Бубнова заслуживает пристального внимания, потому что в своих мемуарах он сам раскрывает тайну странной симпатии "прогрессивно настроенных" людей к Главной Ставке". А раскрытие тайны этой симпатии обнаруживает, что Главная Ставка была гнездом темных сил "прогрессивного толка". Эти симпатии "либеральной и революционной" интеллигенции к Главной Ставке, как свидетельствует адм. Бубнов, не уменьшились и тогда, когда Верховным Главнокомандующим стал Император Николай II. "Однако общественные круги, — пишет адм. Бубнов, — порвавшие связь с правительством (подчеркнуто мною К. А.), находившимся под влиянием "темных сил", ведших Россию к гибели, продолжали видеть в Ставке луч надежды на спасение, и стремились через посредство Штаба Верховного Главнокомандующего воздействовать на Государя, чтобы побудить Его изменить пагубную для России внутреннюю политику Престола и правительства". Как и протопресвитер Шавельский, адм. Бубнов всецело находится на стороне Великого Князя Николая Николаевича, который, по его мнению, был наделен всевозможными достоинствами и "среди членов Императорской Фамилии представлял собою отрядное исключение". Император же Николай II, по пристрастной характеристике адм. Бубнова, не имел никаких достоинств, кроме приветливости и деликатности. Способности у него самые посредственные, затемненные "большим религиозным мистицизмом" и "уровень его знаний соответствовал знаниям гвардейского офицера".

А Императрица Александра Федоровна, под влиянием которой будто бы всецело находился Царь, по мнению просвещенного адмирала, была просто не совсем нормальной. Все опасения Императрицы, что Николай Николаевич вел подкуп против Царя, по мнению адмирала Бубнова, ни что иное, как плод больного воображения полубезумной женщины.

Но из мемуаров самого Бубнова ясно видно, что подозрения Императрицы в отношении Великого Князя Николая Николаевича и недоверие Царя к составу Верховной Ставки, подобранному Николаем Николаевичем, были более чем основательны.

Вся Ставка в период возглавления ее Великим Князем Николаем Николаевичем была настроена к Царю явно враждебно. "С тревогой смотрели мы, — признает адм. Бубнов, — на медленно проходящий в Ставку мимо нас царский поезд, за которым как бы тянулась струя гнетущей атмосферы, окружающей Престол и известные столичные

круги, и облегченно вздыхали, когда царский поезд покидал Ставку". Уходящий ненавидный царский поезд и "все остальное время Ставка, — жила обособленной, строгой жизнью, работая в атмосфере возвышенных чувств". В переводе на обычный язык эта атмосфера возвышенных чувств была атмосферой враждебной к Царю, которая позже переросла в явную измену. Такая атмосфера была в Ставке при Николае Николаевиче, такую же она была, стала даже еще более худшей, когда во главе Ставки стал Царь.

Все офицеры управления Штаба Ставки, — по словам адм. Бубнова, — конечно, "в полной мере отвечали своим назначениям". Протопресвитер Г. Шавельский, написавший воспоминания, полные гнуснейшей клеветы на Царя, по характеристике адм. Бубнова, был пронизителен, мудр и обаятелен. Уважая эти его качества, надо думать, большевики не тронули его в Болгарии и коммунистическое правительство Болгарии разрешило устроить ему торжественные похороны. Работал в Ставке и полк. Щеликов, позже бывший начальником штаба Конной армии Буденного, а так как все чины Ставки, как в польском анекдоте, представляли собою "бардзо добрую компанию", то они и жили и работали в "атмосфере возвышенных чувств" до прихода и после ухода царского поезда.

Но, кроме "возвышенных чувств" чины Ставки жили и какими-то другими менее возвышенными интересами, которые сплывали их всех в ненависти к Царю. Это ясно видно из следующего признания адм. Бубнова: "Не успели мы еще окончательно разместиться в Могилеве, как нас точно громом поразила весть о смене Великого Князя и о принятии Государем Императором должности Верховного Главнокомандующего. Мы все, проникнутые безграничной преданностью Великому Князю... были этим совершенно подавлены..."

И дальше следует весьма любопытное признание: "В душах многих зародился, во имя блага России, глубокий протест и, пожелав Великий Князь признать в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и Армия, последовали бы за ним".

Вот, каков был итог "атмосферы возвышенных чувств". Будущие историки поблагодарят адм. Бубнова за это откровенное признание, что чины Верховной Ставки готовы были пойти на измену присяге и на государственный переворот во время войны, по первому слову Великого Князя Николая Николаевича. Этим признанием опровергаются все клеветнические вымыслы о Г. Шавельского и адм. Бубнова о неосновательности недоверия Императора к Главнокомандующему и подозрения "полунормальной" Императрицы, очень верно расценивавшей царившую в Ставке атмосферу. "Атмосфера возвышенных чувств" оказывалась явной атмосферой измены воинской присяге в военное время национальному вождю страны.

Этим признанием непочтенный и неблещущий умом мемуарист высек сам себя, как унтер-офицерская вдова, а заодно и всех мемуаристов типа протопресвитера Шавельского и иже с ним, уподобившись ослу лягающему своим грязным копытом мертвого льва.

Делает в своих воспоминаниях адм. Бубнов и много других, ценных для историков признаний. После того, как Верховным Главнокомандующим стал Царь, личный состав Ставки, по характеристике адм. Бубнова, представлял собою безотрадную картину "состоя, с одной стороны, из инертно настроенного офицерства, в массе своей не отличавшегося особенно возвышенными интересами (т. е., понимай, не способного выступить против Царя, как это было при Великом Князе Николаевиче К. А.), с другой стороны, — из беспринципного и ретроградного окружения Государя, и, наконец, из незначительной группы, стремившейся всеми способами найти путь к выходу из тяжелого положения, в котором была Россия..."

Что же это была за незначительная группа, "стремившаяся всеми способами найти путь к выходу из тяжелого положения"? Ясный и недвусмысленный ответ на это дает сам мемуарист, принадлежавший к числу тех лиц, к которым непосредственно относятся слова Царя после отречения: "Кругом измена, трусость и обман..."

Став Главнокомандующим, Государь переменял состав Ставки, но не смог избавиться от проникновения в Ставку предателей, стремившихся всеми способами лишить Его власти. В Ставке опять возникла группа, настроенная против Царя. Вот, что пишет об этой группе адм. Бубнов: Когда в ноябре 1916 года начальник штаба Верховной Ставки генерал Алексеев заболел, Государь по его совету призвал для временного исполнения обязанностей начальника штаба Верховного Главнокомандующего ген. Гурко. "Служебное положение, которое ген. Гурко занимал, — признается адм. Бубнов, — не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями. Но о нем было известно, что он очень решителен, твердого характера и либерально настроен, так что можно было полагать, что именно эти его свойства остановили на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство Государя. О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности останется навсегда тайной, которую они оба унесли с собою в могилу. Но факт тот, что с его назначением появились неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет какие-то решительные меры".

Таким образом, как мы видим, в Верховной Ставке снова возникают настроения за свержение Царя во время войны. Адм. Бубнов с прискорбием вспоминает, что Гурко надежд притаившихся в Ставке изменников не оправдал. "Но, во всяком случае, надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались", — констатирует адм. Бубнов.

Очень характерны характеристики ближайших сотрудников ген. Алексеева, сделанные адм. Бубновым. Интимный военный советник ген. Алексеева, ген. Борисов "по своей политической идеологии, — пишет адм. Бубнов, — был радикал и даже революционер. В своей молодости он примыкал к активным революционным кругам, едва не попал в руки жандармов, чем впоследствии всегда хвастался. Вследствие этого, он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать больше, к Престолу, которое зашло так далеко, что он, "по принципиальным соображениям" отказывался принимать приглашения к царскому столу, к каковому по очереди приглашались все чины Ставки".

Адм. Бубнов недоумевает, что "могло столь тесно связывать с ним ген. Алексеева, разве что известная близость к ген. Алексееву, — свидетельствует адм. Бубнов, — был полк. Носков, который по своим взглядам во многом походил на ген. Борисова, за исключением внешности, которою он сильно смахивал на франтоватого штабного писаря. После революции он перешел на службу к большевикам и играл некоторую роль в Красной армии".

Таковы были ближайшие помощники ген. Алексеева. Комментарий, как говорится, излишни.

"Сделало ли верховное командование, в лице ген. Алексеева и его сотрудников, все, что было необходимо и возможно для предотвращения катастрофы, которая принесла России столько бедствий и страданий. — задает вопрос адм. Бубнов и дает на него следующий ответ: "По закону на верховном командовании лежит долг принять все меры для успешного исхода войны. Революционное движение неминуемо должно было бы иметь отрицательное влияние на этот исход; этого, конечно, верховное командование не могло не знать. Поэтому, — раз оно не было в состоянии изменить пагубное направление нашей политики, — его прямой долг был, никак не поддаваясь каким-либо чувствам и политическим соображениям, неукоснительно принять со своей стороны самые решительные и продуманные меры для обеспечения порядка в столице. Это ему повелевал его долг".

Как же оно этот свой долг исполнило? По справедливому заключению адмирала Бубнова, ген. Алексеев и его помощники-революционеры этот долг не исполнили. На ответственную должность начальника гарнизона Петрограда сознательно был назначен бездарный, безвольный ген. Хабалов. Начежных, преданных Царю воинских частей дано не было. "Таким образом, —

пишет адм. Бубнов, — в распоряжении ген. Хабалова для подкрепления, в случае надобности, столичной полиции не было никаких других надежных боевых частей, кроме нескольких сот юнкеров и курсантов".

"Нам в Ставке было известно, — сообщает далее адм. Бубнов, — что Государь высказывал ген. Алексееву пожелание об усилении петроградского гарнизона войсковыми частями из Гвардейского корпуса, бывшего на фронте...". "На этом энергично настаивал Командир Гвардейского корпуса ген. Безобразов, во время одного из своих приездов в Ставку, незадолго до начала революции. Все же ген. Алексеев не принял эти требования во внимание, ссылаясь на то, что эти гвардейские части... негде будет разместить". Это были пустые отговорки. Усиление столицы гвардейскими частями просто не входило в политические расчеты ген. Алексеева и его ближайших, революционно настроенных помощников — ген. Борисова и полк. Носкова. Это видно из того, что как только в столице возникли волнения, по свидетельству адм. Бубнова "вместо того, чтобы вступить в борьбу с революцией, личный состав Ставки надел красные банты и в процессии, под предводительством начальника штаба (ген. Алексеева К. А.) покорно отправился на загородное поле у Могилева для участия вместе с населением в манифестации, в целях прославления торжества революции, организованной моголевским Советом солдатских и рабочих депутатов, который был образован после успеха революции, неизвестно откуда взявшимся подпрапорщиком еврейского происхождения и какими-то полунинтеллигентными демагогическими "ораторами".

Все, о чем свидетельствует адм. Бубнов, нельзя квалифицировать иначе, чем сознательную измену Царю личного состава Ставки, но это дает, однако, повод нашему непочтенному мемуаристу только еще раз оклеветать Царя. Не смущаясь он пишет: "Из этого ясно видно, какое отрицательное влияние на процесс распада нашей вооруженной силы имела пагубная внутренняя политика Престола, ибо она была единственным источником "паралича воли" командного состава в начале революции".

Из этого заключения, как и вообще из мемуаров адмирала Бубнова и протопресвитера Шавельского, на самом деле ясно видно только одно — их писали убежденные изменники. Изменив Царю при жизни, они оклеветали Его после Его мученической кончины, за какую они, как и все чины Верховной Ставки, несут нравственную ответственность. Предав Царя в руки революционной черни, Верховная Ставка, обвинявшая Царя в бездарности и безволии, отчетливо показала с вою полнейшую бездарность и свое безволие. После выдачи Царя революционерам, в Ставке начался полнейший хаос. "Все ходило, как потерянные, — патетически описывает адм. Бубнов, — всех подавляло сознание полного бесствия и у всех кружилась голова перед открывшейся революционной бездной. Почва под ногами уходила; не на что было опереться".

Храбрые и политически дальновидные заговорщики, как только наступили развязанные их предательством роковые события, оказались стадом безвольных, трусливых людшек. Верховная Ставка с первых дней переворота стала проходным двором. В Ставку, — по свидетельству адм. Бубнова, — проникали всевозможные депутаты, разные подозрительные аферисты, шпионы, бывшие каторжники и даже умалишенные. Верховное командование, из опасения навлечь на Ставку подозрение в контрреволюции и сопротивлении "завоеваниям революции", не решалось противиться этому нашествию, и старалось путем бесконечных разъяснений и увещаний, "ублажить" эту нахлынувшую на Ставку революционную орду.

Константин Аскольдов

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера.

го участника венгерского восстания и американца, недавно побывавшего в СССР. Хор Организации Русских Юных Разведчиков исполнил военные и патриотические песни.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ "СУВОРОВЦА"

Нам пишут из Нью-Йорка:

Здесь вышел из печати первый номер журнала "Суворовец", органа Росийского Военно-Освободительного Движения им. фельдмаршала А. В. Суворова. Новый журнал — продолжает ежещедельной газеты, ранее издававшейся под тем же названием в Буэнос-Айресе.

В первом номере журнала напечатана статья ген. Б. А. Хольмстона-Смысловского, призывающая к созданию "нового РОВС-а", т. е. единой русской воинской организации за рубежом.

REBELION EN POZNAN

(Continuación)

Después apareció un camión con altavoz, desde el cual se lanzaban divisas alentadoras que el estudiante traducía para los dos ingleses: "¡Queremos pan. Polonia será libre! ¡Queremos vivir como en Occidente!" Varios obreros, gesticulando desde lo alto del vagón, voceaban otras demandas: "¡Elecciones libres y mejores condiciones de trabajo!" "¡Disolución de la policía secreta!" "¡Libertad de los presos políticos!"

Luego de una pausa se anunció por el altavoz que se estaba asaltando la estación radiotelefónica que interrumpía las emisiones de Occidente. La multitud vitoreó. Al cabo de unos momentos, los locutores exhortaron a las masas para que se encaminasen a la cárcel. "La muchedumbre se puso en movimiento — dice el señor G — y nos arrastró consigo".

A los 10 minutos, la multitud se agitada ante los altos muros de la prisión. "Yo me hallaba a unos 140 metros de las puertas — recuerda G. — Oí gritos que se cruzaban los individuos de las primeras filas de la multitud y las autoridades que habían salido a la puerta de la penitenciaría. Desapareció la bandera roja del tejado de la prisión y ondeó en su lugar la bandera polaca. Los oradores de los huelguistas siguieron vociferando contra la cárcel. Piden que se ponga en libertad a los presos, nos trajo el estudiante. A los varios minutos, por una ventana de la cárcel asomaron una bandera blanca prendida a un palo. Los manifestante rugieron su aprobación. Pronto vimos salir de la cárcel a un grupo de presos".

Los policías brillaban por su ausencia. "Sospecho que favorecían la huelga — refiere G. — or ninguna parte se los vio aquel día". Según otros extranjeros con quienes me he entrevistado, a toda fuerza policial de la ciudad se la había retirado, por fraternizar con los huelguistas. La Radio Varsovia anunció que la cárcel y la Dirección General de Policía de Poznań habían capitulado "sin disparar un tiro".

(Continuará)

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Павел И. Клименко просит откликнуться земляков из Ново-Оскольского района по адресу:
Sr. Paulo Klimentko, Caixa Postal 8405, Sao Paulo, Brasil.

Ф. Ф. Крепинский просит сообщить адрес инж. агр. Максима Бененбаум и его супруги Евгении Н. урожденной Дембинской, по адресу:
Avenida L. Alem 1140, Buenos Aires, Argentina.

Мария Ивановна Цеклинская разыскивает Всеволода Константиновича Христо-Феодорато из Одессы. Сведения о нем просят направлять по адресу:
I. Tsecklinskaya, Poste Restante, Asuncion, Paraguay.

Сестры разыскивают Александру Владимировну Волкову Шарову с сыном Мстиславом Васильевичем Волковым из Владивостока. В 1936 году они проживали в СССР, в гор. Тула, на Пионерской ул. Сведения просят направлять по адресу редакции газеты "Наша Страна".

С. А. Александрова разыскивает брата, полковника Николая Андреевича Степанова, окончившего Первый Кадетский Корпус и Константиновское Артиллерийское Училище в 1911 или 1912 г. г. в Петербурге, а также знакомых: братьев Кудрявцевых, Авенира, Андрея и Ивана Ивановичей из г. Черкассы Киевской губ. Знающих что либо о судьбе этих лиц, убедительно просят сообщить по адресу:
Mrs. S. Alexandrov, 511 West 39-th St., Apt. 12, New York 31, N. Y., USA.

Е. Н. Гагарин

Национальный флаг

Где-то на юге России, в период Добров. Армии на одном собрании, я видел маленький бумажный флажок наших национальных цветов, имевший на белой полосе, в верхнем левом углу, желтый квадрат, на котором был изображен черный государственный орел. Что это за флаг? Откуда он? Я не знал и никто не мог мне это объяснить. Говорили, что это — значек монархического движения, или какой-то патриотической организации. Но, кто его придумал и почему он выглядит именно так, никто не знал.

Лишь в тридцатых годах, в Белграде, покойный сенатор С. Н. Трегубов рассказал в одной из бесед с ним историю возникновения этого флага.

Во время Первой Мировой войны, кажется, в 1916 году, в правительственных кругах возник вопрос: каков, собственно должен быть наш национальный флаг? Бело-сине-красный или бело-оранжево-черный — так называемых "романовских цветов"? Горячий спор, возникший между сторонниками обоих мнений, захватил придворные круги и дошел до Государя и Государыни, также этим вопросом заинтересовались. В результате, была создана специальная комиссия, которой было поручено рассмотреть этот вопрос и доложить свое мнение Государю Императору.

В комиссию вошли представители разных министерств, инженеры, историки, археологи, представители военного и морского ведомств, лучшие юристы, художники и др. Состояла она из сорока членов, во главе с сенатором С. Н. Трегубовым, который и руководил ее работами. Членами комиссии были даны большие полномочия, им был открыт доступ во все библиотеки, музеи, монастыри, а также предоставлена возможность пользоваться дворцовыми архивами и библиотеками. Комиссия неоднократно выезжала в Москву, Новгород, Псков, Кострому и другие города. Везде производились самые тщательные исследования старинных документов и исторических рукописей.

Эти работы продолжались в течение нескольких месяцев, и в результате долгих заседаний и споров, мнения работников комиссии разделились на две неравные части. Большая группа пришла к заключению, что наш национальный флаг должен быть таким, каким он и был, то есть бело-сине-красным. Меньшинство же, также ссылавшееся на исторические исследования, утверждало, что эти цвета неправильны, и что наш флаг должен быть бело-оранжево-черным. Председателю не удалось примирить эти два мнения. Пришлось составить два отдельных доклада на Высочайшее Имя, причем каждый из них базировался, конечно, на исторических данных и на ссылках на соответствующие документы.

Страсти настолько разгорелись, что обе группы с волнением ждали решения Государя. Но Государь не присоединился ни к одному из двух мнений. Его решение было для всех неожиданным. С прирожденной Ему деликатностью и удивительной чуткостью, не желая никого обидеть, Он повелел: После войны российскому национальному флагу быть бело-сине-красным (каким он и был), но на белой полосе, в левом верхнем углу, возле древка он должен иметь оранжевый квадрат определенного размера, а на нем — изображение черного государственного орла.

Таким образом, оба мнения сливались в одно и все были довольны мудрым решением Государя. Кроме того, после победоносной войны, естественно было ожидать большого исторического подъема и этот новый флаг должен был олицетворять тесное единение народа с Династией.

Но революция накануне победы помешала этому, как и многим другим мероприятиям, которые Царь-Мученик предполагал провести в жизнь, для блага Своего народа.

Е. Н. Гагарин

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ
"НАША СТРАНА"

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 белг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров)

КНИГА-ПОЧТОЙ

Самый большой выбор старых и новых книг. Высылка книг в провинцию и другие страны. Продажа книг по вторн., четв. и субботам от 18 до 21 час. Телефон 758-0045 (звонить только в указанное время!). Пересылка книг за счет заказчика. Требуется каталоги. Заказы и письма адресовать Miguel Tamarzeff, Casilla de Correo No. 4, Villa Ballester, F.C.N.G.B.M. Argentina.

1. История русского масонства. Том 1. — 45 п. (3 долл.)
2. История русского масонства. Том 2. — 45 п. (3 долл.)

Отдельные издания напечатанных в 1 и 2 т.т. "Истории русского масонства" материалов:

1. Иванов. Тайны масонства — 16 песо (0.75 долл.)
2. Б. Башнилов. Тишайший царь и его время. — 15 п. (1 долл.)
3. Б. Башнилов. Робеспьер на троне (Революция совершенная Петром 1 и ее исторические результаты) — 30 п. (2 долл.)

Бичер-Стоу. — Хижина Дяди Тома. 38 песо.

- Б. Сергиевский. — Прошлое Русской Земли. — Годна как учебник для подростков. 55 п.
- Ковалев. — Уход за пчелами. 254 страницы. 34 п.

И много других книг классиков, для детей и по технике.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Продается большая партия русских книг, принадлежащих бывш. общ. библиотеке: беллетристика, мемуары, детские книги.

На складе огромный выбор книг, антиквариат.

Каталоги — по первому требованию Адрес: Librairie "Slave", 13, Rue de Roumanie, Bruxelles, BELGIQUE.

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:
от Б. — 50 песо, от Н. Э. Ланковской — 100 крузейро.

Взносы в "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" принимаются редакцией "Нашей Страны" и всеми ее представителями на местах.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1700).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave,
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B,
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 W
14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.,
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 8,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné
Cartierville (Montreal) P. Q.

"Derby Universal Book Agency", P.O.B.
No. 27, Station "B". Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheleff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaeve, Cas. postale 102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.

Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt. 42/III, Oslo, Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str, Buranda, Brisbane, Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdowsi, Teheran.

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ газета "НАША СТРАНА" и все КНИГИ Издательства "НАША СТРАНА"

продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Кiosке В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон);

в Кiosке Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;

на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

у г. М. Тмарцева — "Колонизадора" — ул. Сан Мартин 344.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ

ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА
СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:
от Т. Д. — 20 песо

В РЕДАКЦИЮ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДЛЯ ПЕРЕСЫЛКИ НА АФОН

поступили следующие суммы:
от Г. Р. — 10 песо.